

ВЛИЯНИЕ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ НА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ «ВЫСОКОГО МОДЕРНА» Э. ГИДДЕНСА

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Б. Л. Губман

В статье представлены актуальные вопросы рисков и безопасности современности в глобализирующемся обществе с точки зрения знаменитого британского ученого-социолога Э. Гидденса. Его взгляд на проблемы рисков периода «высокого модерна» в основном базируется на теориях общества модерна Н. Лумана и У. Бека. Но особенность гиденсовского подхода состоит в интерпретации данной проблемы с точки зрения институциональных формаций, трансформировавшихся под воздействием глобализационных процессов. Он рассматривает «невидимые риски» и вопросы безопасности в качестве неизбежных последствий «высокого модерна».

Ключевые слова: Гидденс, риск, безопасность, доверие, высокий модерн, глобализация.

The article addresses the issue of pending problems of modern-age risks and security in the globalizing world, the way it was elaborated by the well-known British sociologist A. Giddens. His view on the risks in the age of «High Modernity» was strongly influenced by the theories of Modern society by N. Luhman and U. Beck. But Giddens's interpretation of the problem was mostly based on the institutional formation, being transformed by the ongoing globalization. He pointed out new «invisible risks» and security matters as the consequence of «High Modernity».

Key words: Giddens, risk, security, trust, High Modernity, globalization.

В процессе развития общества и модернизационных процессов в сознании людей все чаще возникает вопрос о рискованности происходящего. Пожалуй, на всей протяженности человеческой истории существовало понятие риска, но значение его менялось в зависимости от взаимоотношений человека с природой, взаимоотношений внутри социума, использования технических средств в деятельности людей, а также в зависимости от взаимоотношений общества и государства и государств между собой.

В социально-философской мысли существует немало подходов к изучению проблем риска. К примеру, М. Дуглас и А. Лилдавски освещают проблемы риска в отношении к риску в разных обществах и культурах.

У. Бек в своей работе «Общество риска», анализируя опасности в обществе, при-

ходит к мысли о том, что в своем стремлении к благополучию люди избегают одних опасностей, но при этом навлекают на себя другие, может быть еще большие. Таким образом, в «Обществе риска» человек всегда находится в зоне опасности. У. Бек отмечает значимые социальные особенности риска: во-первых, риск всегда создается в социальной системе; во-вторых, объем риска является функцией качества социальных отношений и процессов; и в-третьих, степень риска зависит от экспертов и экспертного знания¹. Сама проблема риска связана со стремительной индустриализацией, с одной стороны, и с непредвидимыми (почти всегда негативными) последствиями модернизации – с другой. Исходя из этого, У. Бек проводит аналогию – производство и распределение богатства в индустриальном обществе сменяется производством и

распределением риска в современном «обществе риска».

Наиболее фундаментальный уровень рассмотрения риска представляется в работах Н. Лумана и Э. Гидденса. С точки зрения Лумана, следует различать риск и опасность: опасности есть всегда, потому что нет абсолютной надежности, а риск имеет место там, где есть решение (причем отказ от решения – это тоже решение). Неопределенность будущего в его концепции рассматривается в двух разных перспективах, в зависимости от того, соотносим мы ее с каким-либо решением или нет. Крушение новоевропейской рациональности сказывается и в современном осознании риска. «Чем больше знаешь, тем больше знаешь, чего не знаешь, и тем скорее формируется сознание риска. Чем более рациональны, чем более сложно задуманы калькуляции, тем больше граней проблемы попадает в поле зрения. В этом отношении будущее неопределенно, а потому существует риск». Умножение знания (в том числе рационального, научно-экспертного знания) не снижает, но обостряет сознание риска»².

Согласно концепции Гидденса, двойное действие глобализации и детрадиционализации социальной жизни приводит к тому, что «созданная неопределенность», характерная для модерна в целом, становится в посттрадиционном обществе ключевой характеристикой всех аспектов социальной жизни и делает феномен риска фундаментальным элементом непосредственного опыта людей.

Понятие риска Э. Гидденс анализирует на уровне социальных систем. По его мнению, риск является «результатом модернизации и активизируется процессами глобализации»³. Такая же точка зрения на определение дефиниции риска отмечается у Бека: «Риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. Риски, в отличие от опас-

ностей прошлых эпох, являются следствием угрожающей силы модернизации и порождаемых ею чувств неуверенности и страха»⁴.

Развитие современных обществ, выраженное в абстрактных системах современности (информация, денежные системы), создало обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни, более безопасные, чем в любом из досовременных обществ. Однако, по словам Э. Гидденса, подобный процесс – «палка о двух концах». Риски «высокого модерна» обладают рядом специфических особенностей, которые вступают в противоречие друг с другом, что делает их оценку весьма проблематичной. С одной стороны, научно-технический прогресс, т. е. повсеместное распространение абстрактных систем, снижает долю традиционных экзистенциальных рисков (эпидемии, стихийные бедствия и т. д.). С другой стороны, становление модерна сопровождается растущей институционализацией рисков (рынки, биржи), глобальных по своим масштабам. Здесь риск является не столько параметром социальной ситуации, сколько конституирующим его фактором. Также одним из атрибутов «позднего модерна» служит постоянный рефлексивный мониторинг рисков, разработка «профилей рисков», отражающих вероятность выживания в тех или иных обстоятельствах, совершенствование экспертных рекомендаций⁵.

Глобализация интенсифицирует процессы социального производства. Возрастает сложность социальных систем и отношений. Э. Гидденс, как и У. Бек, отмечает увеличение числа непреднамеренных последствий (unintended consequences) социальных действий. Сегодня человек окружен рисками, идущими от технологических и социальных систем. Угрожающие риски выходят из-под контроля не только индивидов, но и огромных организаций, включая государства. Неизбежность такой ситуации ставит под вопрос онтологическую безопасность человека.

Гидденс отмечает, что любое социальное действие рискогенно. Пассивность, бездействие или решение об отказе осуществить действие также являются социальным «действием», которое может быть не менее рискогенно. Доверие же должно пониматься в сочетании с риском, где риск становится результатом решений и деятельности индивида. Социальное действие возникает в результате принятия решения, которое основывается на доверии (trust) к социальной системе. В противном случае отсутствие предсказуемости действия и отсутствие доверия разрушат основу для социального взаимодействия.

Необходимо отметить, что природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам. В условиях модерна будущее всегда открыто, но не в смысле обычной случайности, а в смысле рефлексивности знания, входящего составной частью в отношения, которые организуют социальную практику. «Этот контрфактический, будущностно ориентированный характер модерна структурируется доверием, которым наделяются абстрактные системы»⁶. Очень важно понимать, что из этого следует. Опора обычного человека на экспертные системы не является, как это было в домодерновом мире, созданием чувства безопасности относительно независимого универсума. Это процесс расчета пользы и риска в обстоятельствах, когда экспертное знание не только обеспечивает такой расчет, но и актуально создает (или продуцирует) сам универсум обстоятельств в качестве результата постоянного рефлексивного осуществления самого этого знания.

Гидденс указывает, что отношения доверия являются базисными для расширения пространственно-временной дистанциации ассоциируемого с модерном. Доверие к системам принимает форму безличных обстоятельств, которые у обычного человека поддерживаются знанием, в котором он сам

не разбирается. Доверие к людям предполагает личные обязательства, рассматриваемые в качестве индикаторов единства с другими. Процесс, посредством которого безличные обязательства поддерживаются или подкрепляются личными, формирует явление «высвобождения». «Вежливое невнимание» (термин, заимствованный у И. Гофмана) является фундаментальным аспектом отношений доверия в широком контексте всеобщего анонимного общения, присущего модерну. Это своеобразный успокаивающий «шум», являющийся фоном для формирования и разрешения столкновений, которые включают их собственный специфический механизм доверия, такой как личные обязательства.

Исходя из этого, можно сказать, что доверие у Э. Гидденса трактуется как необходимое условие для снижения или минимизации риска. Там, где есть доверие, хотя бы потенциально существуют альтернативы действия. «Различие между доверием и уверенностью зависит от возможности фрустрации вследствие собственного предыдущего поведения и от различия между риском и опасностью»⁷. Гидденс полагает, что опасность связана с риском, хотя их различие не зависит от того, оценивает ли индивид альтернативы в социальном действии или нет. Человек, рискующий чем-либо, признает опасность. Конечно, существует возможность отклонить действие, которое потенциально рискованно, без осознания, насколько рискогенны сами индивиды. Другими словами, если люди не признают опасностей, то они им подвергаются⁸. В этом месте возникает другая проблема – принимают ли индивиды ответственность за риск своего действия или же они перекладывают ее на других. Э. Гидденс вводит понятие о том, что риск может создавать свои среды, которые воздействуют на огромные массы индивидов (наглядный пример – крупные города). Безопасность в такой среде Э. Гидденс определяет как специфический набор минимизирован-

ных опасностей. Субъективное переживание безопасности в среде риска обычно держится на балансе между доверием и уровнем приемлемого риска.

Анализ распределения риска деятельности при текущем состоянии дел и знаний составляет профиль риска, что создает рискогенную среду. Профили риска должны постоянно пересматриваться и дополняться. Профиль риска современности, по мнению Э. Гидденса, выглядит следующим образом⁹:

- Глобализация риска в смысле усиления интенсивности: например, интенсификация негативных процессов в городской среде.

- Глобализация риска в смысле распространения числа случайных событий, которые воздействуют на каждого или, по крайней мере, на большое количество людей: например, изменения в мировом разделении труда.

- Риск происходит из социализированной среды: например, вторжение человеческого знания в мир природных закономерностей.

- Развитие институционально признанной рискогенной среды, затрагивающей интересы миллионов людей, например, рынок инвестиций.

- Признание существования риска: отсутствие знания о риске не может быть конвертировано в «определенность» религиозным или магическим знанием.

- Знание о риске широко распределено: многие из опасностей известны самой разной публике.

- Признание ограниченности экспертного знания: ни одна экспертная система не может полностью предсказать возможные последствия.

Если первые четыре профиля относятся к тому, что изменяет объективное распределение рисков, то в современном обществе следующие три профиля приводят к изменениям переживания (experience) риска или восприятия рисков.

Глобализация риска касается всемирного распространения рискогенных сред, создавая, по определению Бека, «эффект бумеранга». Вместо, казалось бы, высокого уровня безопасности, которого сегодня можно достичь, эпоха «высокого модерна» порождает совершенно новые риски, имеющие социальную природу. Многообразные ресурсы не могут существовать под локальным контролем, и поэтому общество не может адекватно реагировать на неожиданно возникающие угрозы. И возникает риск, что механизм контроля может обрушиться, поглощая продуктами распада всех, кто так или иначе использовал эти ресурсы. Исходя из этого, становится возможным определить еще несколько характерных черт социального риска в современном обществе. Во-первых, риск становится компактным, т. е. может концентрироваться в компактных объектах. Во-вторых, производство социального риска упрощается и, в-третьих, социальные риски сайентизируются по внутренней структуре. Причем очевидным примером производства новых социальных рисков на усложненной электронной основе является развитие компьютерных технологий и Интернет. Некоторые из вчерашних промышленных и социально-технологических проблем, требовавших значительных ресурсов и энергии, сегодня легко разрешаются с помощью компьютеров. Сегодня компьютер и Интернет упрощают социальное взаимодействие и коммуникацию, но одновременно производят новые социальные риски: социальную изолированность, «виртуальные атаки компьютерных вирусов», которые воздействуют на деятельность миллионов людей. Следуя из этого, компактизация современных социальных рисков имеет важное значение. Чем более компактны эти риски, тем легче их производство, распространение и потребление, тем сложнее их калькуляция¹⁰.

На основе анализа и структуризации Гидденс квалифицирует риски на две категории: к первой категории риска в совре-

менном мире Гидденс причисляет возможности различных сред риска. Ко второй категории причисляются риски, ведущие к изменению типа рискогенной среды. Категории «искусственная среда» или «социализированная природа» делают акцент на изменении отношений между человеком и физической средой. Разнообразие экологических и технологических опасностей имеет своим общим источником трансформацию природы системами человеческого знания с развитием социальных институтов. Институциональные системы создают среды, производящие риск. Воздействию институционализированных систем производства риска подвержен практически каждый, независимо от того, является ли он членом этой системы или нет. Различие между такими институционализированными системами производства риска и другими его формами состоит в том, что в первом случае риск является скорее основой построения этих систем, нежели чем-то случайным. Институционализированная система производства риска разными способами связывает индивидуальный и коллективный риск. Например, индивидуальные жизненные возможности или уровень экономической безопасности сегодня непосредственно связаны с опасностями, порождаемые динамикой глобальной капиталистической экономики.

Следует также отметить, что особенностью современного общества становится «невидимость» рисков. Многие из современных технологических рисков не могут быть восприняты органами чувств человека и быть подвергнуты математической калькуляции. Поэтому специфика современного риска заключается в том, что «опасная реальность скрыта от восприятия». Если индустриальное общество отличалось «культурой видимости» (*culture of visibility*) и факторы стратификации (богатство, власть, престиж) были очевидны, то в обществе постмодерна подобная очевидность исчезает. Невидимые риски играют существенную роль в социальном смысле.

Вслед за У. Бекон, Э. Гидденс отмечает, что «гонка между воспринимаемым богатством и невоспринимаемыми рисками не может быть выиграна последними. Видимое не может соревноваться с невидимым. Однако парадокс состоит в том, что весьма вероятно, что невидимые риски выигрывают подобную гонку»¹¹.

Таким образом, трактуя феномен риска как отличительную особенность современного типа жизни личности в целом, Гидденс предлагает различать в развитии этого феномена две стадии. Первая относится к эпохе раннего модерна, когда природная окружающая среда и регулируемые традицией формы социальной жизни еще предполагались в значительной степени данными в готовом виде. Здесь риск представал в качестве составной части рационального расчета: именно в такой форме риски статистически исчисляются страховыми компаниями, и высокая точность, обычно достигаемая при таких расчетах, кажется доказательством эффективного господства над будущим. В социальном мире «высокого модерна» происходит радикальная детрадиционализация и «исчезновение природы», где под природой понимается среда, независимая от человеческого действия и не являющаяся его продуктом. Благодаря этому на передний план выходят риски перед лицом «неколонируемого будущего». Человеческая деятельность основывается на сценарном мышлении – исчислении возможных последствий, и лишь в исключительных случаях мы можем с достаточной достоверностью предвидеть будущее. Причем это относится как к индивидуальному поведению, так и к человечеству в целом: глобальные риски означают, что, с одной стороны, открываются неограниченные горизонты действия, с другой – угрожающе близкой становится возможность тотальной катастрофы. «Тем самым модерн стал экспериментом, проводимым во всемирном масштабе. Хотим мы того или нет, но мы все втянуты в большой эксперимент,

в котором мы, как человеческие акторы, хоть и участвуем, но который при этом в некоторой неопределенной степени является нам неподконтрольным»¹².

Вместе с этим новый характер рисков требует соответствующего изменения механизмов доверия, обеспечивающих в эпоху модерна формирование чувства онтологической безопасности: по Гидденсу, в посттрадиционном обществе социальные отношения формируются на основе «активного доверия». «Активное доверие предполагает автономию, а не препятствует ей, и является мощным источником социальной солидарности, коль скоро согласие свободно дается, а не навязывается традиционными принуждениями»¹³.

Таким образом, осознание конечности бытия неминуемо ставит перед человеком вопрос о смысле мироздания, смысле своей жизни и о том, как ее уберечь от различных рисков. Вместе с тем благодаря рискам индивид приобретает новые навыки и полномочия, и это становится особенно актуальным в эпоху глобализации. Многогранные изменения общественных структур несут в себе определенный риск и являются как бы переходным моментом, последствия которого имеют ключевое значение не просто для будущей манеры поведения индивида, но и для его самоидентичности. Ведь приобретенный однажды опыт влияет на рефлексивный процесс самоидентификации, воздействуя на образ жизни личности в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 23.

² Luhman N. Risk: A Sociological Theory, N.Y., 1993. P. 27.

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. UK: Polity Press, 1990. P. 21.

⁴ Бек У. Указ. соч. С. 66.

⁵ Giddens A. The Consequences of Modernity. UK: Polity Press, 1990. P. 121.

⁶ Op. cit. P. 84.

⁷ Op. cit. P. 31–32.

⁸ Op. cit. P. 35.

⁹ Op. cit. P. 124–126.

¹⁰ Op. cit. P. 151.

¹¹ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 110.

¹² Giddens A. The Consequences of Modernity. P. 117.

¹³ Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. UK: Polity Press, 1991. P. 14.